

Цзян Синчжи действовал с необычайной решимостью.

После возвращения из Павильона Циньфэну он словно растворился в мире культивации, появляясь то в одной великой секте, то в другой, его фигура мелькала среди пагод и горных ущелий, как призрак, носящий в себе свет пророчества. Он не спешил, не шумел, но каждое его слово оставляло след, как капля, падающая в тихое озеро.

Открытие тайного мира Конкюань было событием, способным потрясти все Три Мира. Его слухи распространялись быстрее ветра, будто сами духи гор и рек передавали их из уст в уста. И где бы ни появлялся Цзян Синчжи, повсюду его встречали с почтением, с трепетом, с вопросами, задаваемыми полушёпотом:

— Как Владыка Лампы так точно знает о тайном мире?

Он стоял неподвижно, лицо его было спокойно, дыхание — ровным, как течение глубокой подземной реки, и когда отвечал, голос его звучал не громко, но так, что каждый слог врзался в сознание:

— Этот господин — древний дух-призрак, существующий уже бесчисленные годы. Разве может быть, чтобы я не знал о скромном тайном мире, открываемом раз в тысячу лет?

Тон был высокомерным, почти вызывающим, но в его осанке, в жестах, в самом свете, исходящем от хрустальной лампы в его руках, чувствовалась такая уверенность, что сомневаться казалось кощунством. Те, кто ещё секунду назад питал тень недоверия, теперь опускали глаза, испытывая стыд за собственное невежество, будто они, мастера Высших Сект, внезапно оказались учениками у древнего наставника, чья мудрость была старше времени.

Успешно распространив весть, Цзян Синчжи не остановился. Он стал тем, кто объединил разрозненные силы, кто направил общее стремление к единой цели. Он призывал к сотрудничеству, к сбору редких материалов, к созданию формаций, необходимых для пробуждения пространства, и делал это с такой естественностью, будто всю свою вечность только и ждал этого момента.

Особенно он подчеркивал, что ключевой этап открытия требует древней кровной линии, и только тот, кто обладает ею, может активировать вход. Это был тонкий, но беспощадный барьер: пусть другие собирают камни, строят массивы, тратят ресурсы, но без него, Цзян Синчжи, всё будет напрасно. Таким образом он предотвращал возможное объединение сект против себя в последний момент, оставаясь единственным, кто стоит между миром и тайной.

Один из осторожных мастеров, седобородый и с печатью мудрости на лице, рискнул спросить:

— Позвольте осведомиться, Владыка... Когда же откроется этот тайный мир?

Цзян Синчжи замолчал.

На долгое мгновение.

Затем медленно сложил руки перед собой, поднял взгляд к небу, закрыл глаза с выражением глубокого благочестия, будто вступал в контакт с самим Небесным Двором.

— Ждите второго божественного откровения, — произнёс он тихо, но так, что слова повисли в воздухе, как дым над алтарём.

— .....

Никто не посмел возразить, упрекнуть, или потребовать точности.

Ведь кто может назначать сроки богам?

Но, как бы он ни играл роль пророка, как бы ни говорил о божественных знаках, он не мог позволить себе просто сидеть и ждать, пока небеса сами раскроют ему тайну.

Распределив задачи по сбору материалов между сектами, дав указания, создав ощущение движения, он понял, что пора действовать самому.

Он готовился отправиться к озеру Юйпо и лично исследовать место, оценить энергетические потоки, измерить колебания ци Неба и Земли, вычислить момент, когда граница между мирами станет тоньше паутины. Только тогда он сможет узнать истину, и не потому что она сошла с небес, а потому что он вырвал её из самого сердца реальности.

***

Секта Гуйсюэ, главный зал.

Во вновь построенном главном зале, где ещё пахло свежей древесиной и смолой сосны, проходило первое собрание секты. Стены были отделаны простым нефритом, пол выложен камнем из горы Панши, а на восточной стене уже висел свиток с иероглифами «Гуйсюэ» — чёрными, строгими, как приговор времени. Цзян Синчжи сидел в кресле из красного дерева, спиной к свету, лампа у его ног мерцала мягким светом, будто дремала перед долгим путешествием.

Он готовился уйти, но не на день, не на месяц, а надолго, возможно, навсегда, и потому перед отъездом решил всё устроить, чтобы внутри этой горы не осталось ни хаоса, ни сомнений.

— У меня есть важные дела, — начал он, голос его звучал ровно, но в каждом слове чувствовалась почти отцовская забота, — мне предстоит дальняя дорога. Возможно, я не вернусь в ближайшее время. Помните, что всегда носите с собой пропуск для барьера, старайтесь реже покидать территорию секты, не открывайте дверь посторонним...

Чжу Янь стоял, слушая, и не знал, плакать ему или смеяться. Он кивал, как ученик у сурового наставника, хотя внутри хотелось закричать, что они не дети!

Чжун Мин слушал, терпеливо, но с лёгкой головной болью, как человек, который слишком долго наблюдает за тем, как взрослый ребёнок играет в правителя.

— А ты, случайно, не собираешься добавить, что нельзя разговаривать с незнакомцами и следовать за ними домой? — спросил он сухо.

Цзян Синчжи указал на него пальцем, словно делая выговор:

— Вы двое не торопитесь насмехаться. Посмотрите, как серьёзно Сяо Сюй воспринимает мои слова.

Два взгляда немедленно обратились к Чжу Сюю, который сидел чуть в стороне, усердно что-то записывал в маленькую тетрадку. Он поднял глаза, лицо его было исполнено благоговения:

— Каждое слово Главы секты - это мудрость веков. Их нужно записывать, чтобы в трудные времена вспоминать и ободрять себя.

Цзян Синчжи почувствовал глубокое удовлетворение.

— Поистине перспективный юноша, — произнёс он с одобрением. — Неудивительно, что я сразу почувствовал: в тебе есть потенциал.

Говоря это, он машинально бросил взгляд на тетрадь и замер.

Его глаза уловили только что записанную фразу: «Кто сверху — пока неясно».

...Подождите.

Почему он это записывает?

На лице Цзян Синчжи мелькнуло недоумение, и он уже готов был расспросить подробнее, как вдруг Чжу Янь прервал его размышления:

— Кстати, Глава секты.

Цзян Синчжи перевёл взгляд.

— Да?

— Секта уже приведена в порядок, большинство павильонов и двориков построены, сорняки на горе вычищены, надпись «Секта Гуйсюэ» повешена у ворот. Может быть... уже пора начать принимать учеников?

— Не торопись, — ответил Цзян Синчжи, откидываясь на спинку кресла, лицо его было совершенно расслаблено, как у человека, который знает, что время работает на него. — Время ещё не пришло. Когда придёт момент, то мы заявим о себе так, что весь мир Цзючжоу услышит.

Сердце Чжу Яня едва не выпрыгнуло из груди.

— Что?

...Какое ещё время? Какой ещё всплеск?

Рядом с ним Чжу Сюй снова склонился над тетрадь, продолжая усердно писать, будто каждый штрих мог изменить судьбу.

После того как все мелкие вопросы были решены, Цзян Синчжи вернулся в свою комнату, чтобы собрать вещи. Ночь была тихой, лунный свет лежал на тропинке, как серебряная пыль. Когда он вышел во двор, то увидел фигуру, одиноко, неподвижно стоящую под деревом белой груши, будто он ждал его с самого начала пути.

— Брат Бай, что случилось?

— Что случилось? — повторил Чжун Мин, голос его звучал с лёгкой насмешкой. — Естественно, жду, чтобы отправиться вместе с тобой.

— Ты тоже идёшь? — удивился Цзян Синчжи. — Это не пиршество сект, нам не нужно держаться за руки всю дорогу.

Чжун Мин холодно рассмеялся:

— Теперь не нужен? Использовал и выбросил?

Цзян Синчжи почувствовал усталость.

Как он всё время умудряется исказить смысл?

— Разве ты следуешь не пути мести? — спросил он.

— Моя жизнь - это не только месть, — ответил тот, глядя на луну. — Мне также интересны новости о тайном мире.

Цзян Синчжи кивнул.

— Ясно. Если хочешь, то пойдём вместе.

На том холодном лице, которое редко выражало эмоции, наконец появилась тень удовлетворения. — Конечно, хочу.

***

Озеро Юйпо находилось в отдалённой долине к югу от Цзючжоу, в месте, где даже птицы редко пролетали, а ветер нёс с собой запах древней тьмы. Цзян Синчжи помнил, что через тысячу лет это место будет называться Долина Невозврата — имя, рождённое не вымыслом, а тысячами исчезнувших душ, чьи крики так и не достигли берегов живых. Над долиной висел невидимый механизм: пространство там было перекручено, как старая верёвка, слои реальности наслаивались друг на друга, и ни один мастер стадии Выхода из Тела, ни один полёт на летающем артефакте не мог преодолеть этот барьер. Попытка проникнуть сверху заканчивалась либо гибелью, либо внезапным появлением в сотне ли от входа. Единственный путь — через землю, через тропы, скрытые под мхом и корнями вековых деревьев.

Когда они с Чжун Мином ступили на порог долины, воздух стал гуще, словно налитый туманом прошлого. Лес здесь был ещё не таким густым, как в будущем, но скалы уже возвышались, как зубы каменного зверя, а почва под ногами хлюпала, будто дышала. Даже для культиваторов это было опасное место, каждый поворот тропы мог оказаться ловушкой, каждое эхо - обманом.

Цзян Синчжи сделал первый шаг, оглянулся и предупредил:

— Иди рядом. Не отставай.

— Боишься, что я потеряюсь? — спросил Чжун Мин, голос его едва дрогнул, но в глазах мелькнула насмешка.

— Конечно, — ответил Цзян Синчжи, не оборачиваясь. — А то потом придётся тратить время,

вылавливая тебя, как утопленника.

С этими словами он двинулся вперёд, ориентируясь по воспоминаниям, будто шёл знакомой дорогой, хотя, казалось бы, прибыл сюда впервые.

Чжун Мин чуть улыбнулся и последовал за ним, чёрные одежды почти слились с тенью.

В начале долины ещё можно было различать очертания деревьев, скал, неба, но чем глубже они продвигались, тем плотнее становился туман, пока не превратился в белую стену, за которой исчезало всё — свет, звуки, даже чувство направления. Оставалось только полагаться на божественное сознание, нащупывая путь, как слепой, идущий по краю утёса.

Но Цзян Синчжи не сбивался.

Он проходил этот путь много раз — в прошлом, в будущем, в снах, в воспоминаниях тех, кто погиб здесь. И хотя ландшафт изменился, сердце долины осталось прежним. Вскоре туман начал редеть, как дым над угасшим костром, и перед ними открылась центральная часть — озеро, лежащее в объятиях гор, как капля слёзы в ладонях бога.

Они миновали внешний барьер тумана и вошли в самое сердце.

Цзян Синчжи, чувствуя лёгкое удовлетворение, повернулся к Чжун Мину и с важностью произнёс:

— Ну как, впечатляет?

— Очень впечатляет, — ответил тот, голос его был ровным, но в интонации явно прозвучало: — «Ты нашёл это так быстро... на своём первом визите.» Особый акцент на слове «первом».

Цзян Синчжи на миг замер, затем опустил руку, которую уже занёс для эффектного жеста, и с невозмутимостью сказал:

— Ну... не совсем. Просто мужская интуиция.

Чжун Мин коротко рассмеялся, но больше не стал допытываться.

Он знал.

Просто предпочитал молчать.

Они двигались дальше, следуя по узкой тропе у подножия долины, и вскоре перед ними

открылось само озеро Юйпо — гладкое, без единой ряби, отражающее небо и горы так чётко, будто мир повторялся в двух плоскостях. Ни ветра, ни волн, только тишина, слишком глубокая, чтобы быть естественной.

И тут они услышали голоса.

Молодые, почти детские, два мужских и один женский, доносящиеся с края воды:

— Старший брат... мы действительно должны спускаться?

— Это же испытание. Мы не можем его не пройти. Младшая сестра, если боишься, то старший брат спустится первым и проверит воду.

— Да, ты оставайся на берегу, я пойду вместе со старшим братом.

Проверит воду?

Цзян Синчжи резко обернулся.

Какую воду? Неужели... слабую воду?!

Зрачки его сузились. Он бросился вперёд, не раздумывая, ноги сами несли его за звуками.

За поворотом тропы открылась картина: три молодых культиватора в одинаковых сине-белых одеждах стояли у кромки озера. Девушка держалась чуть в стороне, лицо её было бледным от страха, а двое юношей уже готовились прыгнуть в воду.

Их тела оторвались от земли ...

И в следующее мгновение две руки в темно синих рукавах схватили их за вороты, резко дернув назад.

Тхуд! Тхуд!

Они рухнули на землю, как мешки.

— Кто...?! — вскричали они, поднимая глаза.

Перед ними стоял человек в синем, стройный, как лунный луч, с улыбкой, слишком мягкой для такого места.

— Вы знаете разницу, — спросил Цзян Синчжи, — между тем, как кладут пельмени в воду, и тем, как люди прыгают в озеро?

Они ошеломленно молчали.

— Какая разница?

Он улыбнулся шире, почти добродушно:

— Пельмени всплывают. А те, кто прыгает в слабую воду, не могут даже свои трупы обратно вытащить.

— .....

Опять повисла долгая пауза.

— Это... легендарная слабая вода?! — Прейдя в себя, наконец прошептал старший юноша.

— Вы не знаете, что это такое, — раздался другой голос, глубокий, как эхо в пещере, — и всё равно решаетесь прыгать?

Они обернулись, и уставились на человека, который как будто возник из неоткуда. Никто не видел, как тот подошел.

Чёрные одежды, холодный взгляд, лицо, будто высеченное из камня. Чжун Мин стоял за спиной Цзян Синчжи, как тень, которая никогда не покидает своего хозяина.

У троих сжалось сердце.

Цзян Синчжи похлопал Чжун Мина по плечу, как будто успокаивая, и повернулся к ним:

— Так кто вам велел сюда прийти?

***

Сидя на берегу озера, они никак не могли отвести взгляд от спокойной глади, будто боялись, что оно могло причинить вред.

Эти троя оказались учениками секты Юйхуа. Старшего брата звали Пин Лань, второго — Линь Куо, а младшую сестру — Пэй Ин. По обычаю их секты, каждый, кто достигал новой ступени

Основания, должен был пройти испытание от своего наставника. На этот раз заданием стало достать «распускающийся цветок» со дна озера.

— Цветок? — переспросил Цзян Синчжи. — Кто дал вам это задание?

— Боевой наставник, — ответил Пин Лань. — И карту тоже. Мы застряли в туманном барьере на пять дней, но к счастью, младшая сестра смогла вывести нас.

Цзян Синчжи перевёл взгляд на девушку.

Пэй Ин гордо выпрямилась, маленькие колокольчики в её причёске зазвенели:

— Вы можете мне не верить, но это — женская интуиция!

Фраза была до боли знакомой...

Цзян Синчжи твёрдо кивнул:

— Конечно, верю.

Чжун Мин бросил на него взгляд.

— .....

— Этот культиватор такой приятный. — Рассмеялась Пэй Ин, но тут же вспомнив суть их беседы, вновь стала серьёзной — Но если по краям озера действительно слабая вода... значит, наставник отправил нас на смерть?

Старшие братья переглянулись. В их глазах читался не страх, а понимание, что возможно, это испытание не для проверки их силы, а лишь способ избавиться от лишних.

Цзян Синчжи тоже помрачнел.

— Взрослый мир... — произнёс он тихо. — всегда так сложен.

Все замолчали.

Даже ветер не посмел шелохнуться.

<http://bllate.org/book/15487/1373261>